

Таким образом, по количеству верных партнеров Россия пока уступает не только США, но даже Грузии. За Тбилиси в первые же дни вступились страны Балтии, Польша и Украина.

Говорить о том, что война в Грузии привела к международной изоляции России, не вполне оправдано. Однако проблемы с членством в ВТО, ОЭСР и даже G8 у России уже появились.

Во многом «непропорциональный» вооруженный ответ на грузинскую «провокацию» в августе 2008 г. также показал, что российская политическая элита неспособна вести долгосрочную прагматичную политику и «искать» диалога с Западом. Она все еще живет стереотипами «холодной войны», когда любые предложения и действия другой стороны заведомо ставятся под сомнение и воспринимаются как бросающие вызов или представляющие угрозу собственным интересам. Здесь можно упомянуть расширение НАТО на Восток, военные действия НАТО в бывшей Югославии, действия США в Ираке, поддержка независимости Косова в 2008 г. и т.д. Между Западом и Россией существуют серьезные различия в восприятии и оценке основных вызовов и угроз и принципиально различные взгляды на контуры желаемого мироустройства.

Однако система международных отношений серьезно изменилась со времен противостояния сверхдержав. Вопреки ожиданиям после грузинского конфликта не произошло повышения геополитического статуса РФ. Если, конечно, не считать дипломатической победой активизацию отношений с латиноамериканским континентом, причем в первую очередь, с бывшими сателлитами СССР: Никарагуа, Кубой и новым яростным оппонентом США – Венесуэлой. Однако в обмен на поставки оружия Россия получает лишь пальмовое масло. Такой поворот событий не следует приписывать случайности. Это следствие целенаправленной политики, проводимой частью российской антизападно и особенно антиамерикански настроенной политической элиты. Ее расчет прост: только в стране, максимально закрытой от перемен, с демократически несменяемой властью всех уровней, существуют максимальные гарантии сохранения собственных властных позиций.

ТРИ ТИПА КОНФИГУРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО ТИПОЛОГИИ МАРГАРЕТ МИД)

А. В. Елина

Наша культура пережила на рубеже 1980-90-х гг. серьезное потрясение. Произошла смена государственного устройства, экономической мо-

дели. Хотя состояние этих сфер культуры влияет на ее духовное содержание лишь косвенно, нельзя отрицать, что параллельно возникают и сдвиги в мировоззрении, в культурных ориентирах и установках, переоценка ценностей. Возникает новая культурная ситуация, при которой можно наблюдать различное к ней отношение, разную степень вовлеченности в процесс мировоззренческой, культурной революции в разных социальных группах. Для одних изменения начала 90-х ассоциируются со свободой, возможностью самореализоваться, а для других – с неуверенностью в завтрашнем дне, растерянностью и беспомощностью. Эти различия особенно заметны на межпоколенном уровне.

Изменение во внешних, материальных сферах культуры (усвоение каких-либо новых знаний, технических новшеств, приспособление к новому экономическому устройству и т. п.) и изменение мировоззренческих и ценностных ориентаций происходит в разном ритме и степень возрастных различий здесь будет разной. Однако очевидно, что люди разных поколений не одинаково успешно справляются с аккультурацией в ситуации серьезных изменений, сдвигов в окружающем мире, входящем в сферу их непосредственного культурного опыта.

Проанализировать сложившуюся культурную ситуацию позволяет концепция американской исследовательницы Маргарет Мид, которая в 60-х гг. XX века создала вариант типологии культуры, основанный на виде межпоколенных отношений и способе аккультурации. Она выделяет три типа (или стиля) культуры: постфигуративный, где дети воспринимают опыт старших в неизменном виде; кофигуративный, где определяющую роль играет обучение сверстников друг у друга, и префигуративный, где старшие обращаются к опыту младших.

Изменения, произошедшие в белорусской культуре конца XX века, делают более заметными то, как в ней сочетаются эти типы конфигурации. Такие изменения вызывают в людях – носителях культуры чувство потрясения, утраты почвы под ногами. «Каждый такой сдвиг в культуре, отражающий ее адаптацию к новым условиям, несет с собой возможности изменения и устранения глубинных характеристик постфигуративных культур»¹ – писала Маргарет Мид. Старшие поколения «дедов» и «родителей» в такой ситуации оказываются как бы в духовно-эмоциональной эмиграции в мире, где им никогда не суждено стать «своими»: их знания, умения, жизненный опыт, духовные ориентиры отвечают новым условиям лишь частично, а в некоторых аспектах – не отвечают вовсе.

В ситуации, когда опыт молодого поколения радикально отличен от опыта их родителей, наступает черед кофигурации, а затем и префигурации. Поколение молодых людей вынуждено было самостоятельно искать

ответы на вызовы действительности, и ориентироваться друг на друга, на самых успешных сверстников, а также обращаться к примеру сверстников-представителей других культур. Их роль в культурной и общественной жизни возрастала, наступила пора многочисленных новых молодежных объединений: общественных, литературных и художественных.

Особенностью нашей культурной ситуации оказалось то, что префигуративное схватывание будущего молодыми людьми было тесно связано как раз с обращением к прошлому, к традициям, причем к тому прошлому, которого не было в культурном опыте поколения родителей.

Поколение, не достигшее к моменту основных сдвигов взрослого состояния, наиболее безболезненно включилось в изменившуюся культурную среду. Именно его представители стали впоследствии новое поколение творцов (в широком смысле) для которого был актуален не столько поиск своей идентичности и места в мире, сколько свободное творчество в рамках всемирного информационного пространства, что является ключевым признаком префигурации.

Вместе с тем, не могла исчезнуть и постфигурация, без которой невозможно сохранение культуры и ее динамики. Значение этого культурного типа остается крайне важным, хотя в современном мире он не может существовать в чистом виде.

Таким образом, мы видим, что в современной белорусской культуре сосуществуют три типа культурной конфигурации, находясь в тесном взаимодействии.

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Л. С. Иваничева

Сегодня реклама как объект изучения обладает огромной притягательной силой. Представляя собой особый вид текста, реклама, являясь одним из инструментов, стимулирующих экономические процессы, с одной стороны, так же должна быть изучена и с другой стороны, с филологической точки зрения, так как множество фирм, импортирующие свои товары, вынуждены переводить уже готовые рекламные тексты на язык - страны потребителя, сохраняя дизайн рекламного объявления-оригинала. Поэтому и появляется необходимость разработки специального метода перевода, поскольку такого рода перевод рекламных текстов не всегда удачен, часто уродует русский язык, и, следовательно, не привлекает, а скорее отталкивает потребителей. Отсюда и вопрос: «Можно ли перевести исходный текст таким образом, чтобы в тексте перевода вся ключевая